

Абевега русских суевѣрий идолопоклонническихъ жертвоприношении свадебныхъ простонародныхъ обрядовъ колдовства шеманства и проч. / Сочиненная М.Ч.. — Печатано в Москвѣ : иждивениемъ Ф. Гиппиуса, в типографіи у содержателя Ф. Гиппиуса, 1786. — [2], 326 с.; 8^{оі}

Чулков Михаил Дмитриевич (1743 или 1744-1792) в 1782 издал «Словарь русских суевѣрий», более известный под заглавием 2-го издания «Абевега русских суевѣрий, идолопоклонническихъ жертвоприношении, свадебныхъ простонародныхъ обрядовъ, колдовства, шаманства и прочего» (1786). В нем даны объяснения отдельных примет, поверий, народныхъ праздниковъ и преданий различныхъ народовъ Россіи. Работа великаго русскаго писателя легла в основу всей будущей русскаго этнографіи и стала краеугольнымъ камнемъ исследованийъ такого сложнейшаго пласта культуры, какъ язычество славянскихъ и другихъ народовъ, населяющихъ Россіюⁱⁱ.

Текст приводится фрагментарно, в значительном сокращении

(стр.7-10)

Благовещение, утверждают суевѣры, когда птица проспит Благовещенскую заутреню, или в сей день завьет гнездо, то отнимаются у ней на несколько времени в наказаніе крылья, и она летать не может, но ходить по землѣ.

Бракⁱⁱⁱ, наканунѣ брачнаго сочетанія, призываютъ в домъ жениховъ семи или шести летъ мальчикъ, который укладываетъ вещи в нарочно-купленный для того ларчикъ, который тогожъ вечера женихъ отвезетъ в подарокъ невестѣ, а имянно: башмаки, опахало, серги, пряжки, белилы, румяны, перчатки и прочая. Во время бытія женихова у невесты сидитъ онъ и с невестою на мохнатой шубѣ, в знакъ будущей жизни благополучной. На другой день передъ поездомъ в церковь тотъ же мальчикъ, или другой с невестиной стороны долженъ невесту обуть в новыя башмаки, и продаетъ ее косу за гривну или за рубль, то есть что дадутъ. Невеста в знакъ покорности повинна в первой разъ разуть жениха, при чемъ женихъ кладетъ в сапоги в правойъ деньги, а левой плетъ, и когда невеста сперва за левую ногу примется, то женихъ вынявъ плетъ, ударитъ невесту; а ежели за правую, то отдастъ ей положенныя деньги. Новобрачныхъ же не кладутъ никогда спать в жилой хороминѣ, но в пустой и не топленной, какъ бы студено не было, и некоторыя для того нарочно строятъ покои, и на потолокъ земли не кладутъ. Под постелью кладутъ ржаные снопы или солому. Ежели на невесту в церкви для головнаго убора венца не вздеваютъ, и держитъ оной какойнибудь мужчина, то верятъ, что то бракъ будетъ недействителенъ,

и жена имѣть будетъ неотменно побочныхъ мужей или любовниковъ; потому, что она венца не вздевала, или потому, что венчались ихъ трое

вместо двух. На другой день свадьбы, когда невеста не была в девках целомудренна, то матери ее поднесут стакан с дырою, из которого напиток потечет, когда она возьмет в руки, ибо дружка поднося ей зажмет оною скважины пальцем.

(стр.41-43)

Древние Россияне при брачных сочетаниях поступали следующим образом: между прочих церемоний, перед поездом в церковь, садится жених с невестою рядом, или на соболи, или на какой нибудь другой мех, чешут свахи им головы, обмакивая гребень в меду или в вине, которое держит в ковше нарочный. Потом осыпают их осыпалом, то есть деньгами и хмелем, тут же зажигают брачные свечи, которые бывали с лишком по пуду, смотря на имение брачных; зажигали же их особою Богоявленскою свечкою. В церковь возили с собою вино в склянице, и когда священник даст пити жениху и невесте, то при последнем разе жених разбивает скляницу с оставшимся вином об пол, и топчет бутылку ногою. Брачные свечи ставят потом собравши их вместе к кадку по пшеницу на целой год в сеннике, в головах у постели. Сенник готовят к тому следующим образом: поставят по всем четырем стенам образа, а в головах постели, над дверями и окнами по кресту воздвизательному; по всем четырем углам воткнут по стреле, и на них по соболу или по кунице, и взоткнут по калачу; на лавках по углам же поставят по оловянику меду. Постелю стелют на двадцати одном ржаном снопе, и как подадут последнее на стол кушанье, то есть жаркое, то дружка обернув блюдо с жарким, калачем и с солонкою, верхнею скатертью, понесет в сенник к постеле, а потом поведут и молодых. В дверях у сенника отец посаженной сдает с рук на руки новобрачную ее мужу, и говорит увещательную, о содержании на узаконенных порядках супруги, речь; и когда придут к постели, то теща жена надев на себя две шубы, одну так как должно, а другую сверх того на выворот, осыпает опять молодых осыпалом, то есть деньгами, хмелем и зернистым хлебом, и кормит их уже на постели. По утру приходят тех свадебные чиновные, и поднимают одеяло с молодой стрелою, и свидетельствуют ее непорочность, потом водят молодых в мыльню, а после кормят их кашею, и тогда молодая дарит пришедших гостей дарами и овощами. Когда молодой на другой день по утру бывает в мыльне, тогда теща присылает ему все платье, то есть такое, в каком из бани до покоев дойти можно. В церкви ж во время венчания подстилали молодым под ноги камку, или другую какую материю, а сверх ее соболи или куницы, или другую мягкую рухлядь. В прочем во все время брачного сего торжества, когда молодой возьмет за руку свою молодую, то должен вести ее до назначенного места не опуская ее руки, а инако вечное будет между ими несогласие.

(стр.79)

Встреча, когда покойник, поп или монах, монахиня, женщина, девица, свинья, или лысая лошадь на встречу попадутся первые, то в тот день успеха в делах ожидать не должно; а когда кто встретится с полным, то есть полные ведра воды, или другое что, то значит успех в намерении.

(стр.147)

Гадания.

(стр.150-152)

Берут в темноте из поленицы полено, и когда оно гладко, то муж будет хорошей, а ежели суковато и с трещинами, то дурной и сердитой. Другияж верят, когда полено суковато, то быть за богатым, а когда попадает ей гладкое, то быть за бедным.

Слушают у церкви, ходят ночью к церковным дверям или окнам, и загадав слушают, и когда поют, послышится им надгробные песни, то разумеется девушке в тот год умереть; а когда брачные, то быть за мужем.

Бросают башмаки через ворота на улицу, и в которую сторону ляжет одной носком, в той стороне и быть ей замужем; а когда к воротам, то в тот год еще не выдадут.

Ходят на перекресток с зеркалом, и имея за плечьями месяц, смотрят в зеркало, загадав, суженой, ряженой покажися мне в зеркале, которой также приходит.

(стр.157)

Голуби, ежели влетит в горницу в растворенное окно голубь, то верят, что предвещает то, или кому нибудь в доме умереть скоро, или быть пожару.

Горох, все простолюдины уверяют, что естели в ночи на Рождество Христово и Богоявление не будут видимы звезды, в тот год гороху сеять не должно, а чем больше звезд видимо бывает, тем и урожай онаго бывает сильнее.

(стр.161-162)

Гром, простые люди говорят, что когда гром гремит, то Илия пророк ездит по небу на огненной колеснице, и убивает стрелою прогневавшего Бога дьявола, которой тогда весьма укрывается, и обращается в разные виды, а особливо во младенцев, просит у людей укрытия. Громовая стрела убив дьявола, уходит в землю, и тамо три года пребывает; по прошествии того времени обнаруживается и ее находят, которая состоит из кремня. В случае колотья окачивают ее водою, и оною водою обливают больного. Уверяют пожилые простолюдины, что ежели кто часто, или всегда ест гнилой хлеб, то будто тот грому бояться не будет; услышав же первый раз по зиме гром, умываются с серебра, чая получить белизну и красоту тела, также и здоровье.

(стр.188-189)

Двойни. В России у простолюдинов рождающиеся двойни предзнаменуют дому счастье.

Дождь, ежели кто выехал в дорогу, а в то время пойдет дождь, то значит сие благополучную дорогу, да и во всяком предприятии шествие дождя почитают за счастье.

(стр.191)

Дорога, в понедельник выезжать в дорогу не должно, уверяют, что она благополучна быть не может, также добра не предвещает, когда перебежит через дорогу заяц, или другое животное. Когда кого провожаешь, и хочешь, чтобы опять скорее иметь с ним свидание, то при последнем прощании, и возвратившись домой, должно скорее назад оглянуться.

(стр.207)

Имянины, когда празднуют день чьего нибудь тезоименитства, то в начале самого обеда, берут со стола большой нарочно для того пирог сделанной с кашею, и разламывают оной над головою именинника, что знаменует целый будущий год жить ему в благоденствии, и чем более рассыпается по нем каша, тем жить ему достаточнее. И надобно также неотменно, чтоб во время празднества онаго было б что нибудь разбито, сие также знак благополучия; а когда того не случится, то бьют нарочно рюмку или стакан.

(стр.217-218)

Канон, на кануне праздника святого Николая чудотворца, по городам и деревням возят обыватели бочонки с пивом к каждой церкви, и черпая или цедя из онаго по кружке, подают в церковь, а при том и по восковой свечке, которое пиво священники сливая в ушаты, делят после по себе, и сие то пиво называется канонем.

Каша, когда варившаяся в печи каша выйдет на поверхность горшка, и сия выпуклость иметь будет наклонение в зад печи, то сие знаменует счастье и изобилие, а когда в устье печи, то предвещает разорение дома и бедность хозяину.

(стр.227-232)

Кошка моется, когда кошка станет умываться к себе лапою, то тем предъявляет, что к хозяину в тот день будут гости, а когда спит подвернувши рыло под брюхо, то предвещает летом непогоду, а зимой морозы.

Кузнечик кует, кузнечик, которой кует иногда по углам в горнице, то сие значит, что обыкновенно выживает живущего из дома.

Кукушка: птица сия признается простяками за пророчествующую, и когда она кричит в лесу, то бабы загадывают, сколько им жить, а потом сколько она раз прокричит, то и верят, что столько той бабе и лет жить.

Кусок хлеба, ежели кто обедаю, или ужинаю, отломив кусок хлеба, будет есть, и не доев его забывашишь оставит и отломит другой, то сие знаменует, что кто нибудь из родных его терпит голод.

Ладанка, или мошонка: простолюдины привешивают ее на тот шнурок, на коем носят крест и кладут в нее ладонь, веря что ни колдовство, ни уроки взять его не могут.

Локоть, когда свербит, или чешется у кого локоть, то значит, что спать ему на новом месте.

Лошадь: когда в дороге распряжется лошадь, то верят, что сделалось в доме нездорово: в большею частью признают, что жена учинила мужу неверность.

Лучина: ежели кто имеет привычку бить домашних своих лучиною, то весь его дом будет нездоров и изсохнут все так как лучина.

(стр.234-235)

Любовь, страсть сия между простолюдинами называется сухотою, и естли кто в которую влюбится, а она к нему несклонна, то и говорят, что напустила она на него сухоту.

Масленица, вместо предъуготовления себя воздержанием к понесению великого и строгого поста, простолюдины почти всю оную неделю имеют без снятия наполненный стол особым на сей неделе приуготовленным кушаньем, как то разного рода блинами, оладьями, пряженцами и прочим, которое все вообще называется масленицею, и от утра до вечера оставя прочие упражнения, пьют и едят. Ходят к всем для прощанья; а к кумам и кумам носят превеликие пряники, а также большие косяки мыла; катаются на горах в различном и смешном одеянии, также в харях и масках. В последний вечер сырной недели не должно, ни огню разводить, ни свеч зажигать.

(стр.254-255)

Молитва, простолюдины первое недоразумевая, а во вторых и упрямствуя произносят вместо надлежащих Богу молитв, выдуманные собственно ими разные призывания: батюшко воскресение Христова помилуй меня грешную, Успение Пресвятыя Богородицы моли за меня грешную, неразумевая не токмо молитвы, но не зная и отношения оной. Другие в особенных своих нуждах призывают особых и святых, или их токмо образа думая, что они токмо, а не другие помочь им могут. Например: о избавлении от зубной болезни молятся Антипию, при начатии мальчику азбуки С. Козме и Дамиану, от вора и от обидчика С. Иоанну Войственнику, от головной болезни С. Иоанну Предтече, от лихорадки чтут некоторую особую молитву, о лошадях молятся С. Фролу и Лавру, об овцах С. Анастасии, о сновидениях и о сне С. девяти мученикам, о совете мужа с женою С. Евангелистам, о исцелении больного образу всех Скорбящих, на море от бури С. Николаю чудотворцу,

о ловлении рыбы С. Апостолу Петру, о коровах С. Власию, о свиньях С. Василию Великому, о пчелах С. Зосиме и Савватию Соловецким чудотворцам, о курах С. Сергию, о гусях С. Никите мученику, об укрощении гнева в человеке Пророку и Царю Давыду.

Молчание, ежели случится, что сидящие в компании многие люди вдруг замолчат все, то уверяют, что прошел между тем собранием тихий Ангел.

(стр.260)

Мыши, торговые мужики и некоторые купцы, беспрекословно верят, что ежели из купленного товара, в скором времени мышь что нибудь попортит, то товар скоро с рук и с барышем сойдет; а ежели из самых лучших вещей, то еще скорее и прибыльнее.

(стр.264)

Осина, простолюдины признают сие дерево проклятым за то, что будто бы Иуда на оном удавился, и для того на сем дереве, хотя бы и никакого ветру не было, листочки шевелятся, онож имеет чрезвычайную силу против колдунов, и когда такому умершему и встающему из могилы, кол между плеч осиновый вколотят, то уже оный не встанет никогда.

Передний угол, пришел в гости не должно садиться в переднем углу, ибо простаки верят неотменно, что впереди должно сидеть обыкновенно попу, или дураку, попу для отменности и почтения к его чину, а дураку для того, что оной всегда ищет себе большого почтения, нежели он стоит.

(стр.266-270)

Пить за здравие гостей должно кубком, или рюмкою, обнося гостей в округ по течению солнца, а сие произошло от того, что древние во время праздников и угощения своих богов обыкновенно так делали, и должно выписать все, инаково замечается недоброжелательство.

Платье, ежели кто выходя из дому, и затворяя за собою двери сам, или кто другой прищемит оными, или прихлопнет полу, или подол платья, то сие значит, что быть назади, то есть опять возвращаться в тот дом.

Плотники, ежели кто не заплатит сим людям за работу, то есть за строение дома, или прочего, то уверяют простаки, что они сажают в тот дом дьявольское наваждение, то есть кикимр, домовых или еще и лютее сих чертей, из которых кикимры всякую ночь в потемках прядут и веретена их визжат, домовые также по ночам ходят и замками, цепями и дверями стучат, а лютее сих черти все бьют, ломают и делают превеликой стук, от чего хозяин принужден бывает заплатить плотникам деньги, а от того и покой в доме получает.

Полено, ежели кто неся дрова к печи уронит полено, то верят неотменно, что в тот день будут гости.

Поперхнуться, ежели кто положивши первый кусок за столом в рот, или пив первую рюмку поперхнется, то сие значит, что кто нибудь спешит к нему обедать.

(стр.273)

Пуговицы, ежели кто одевшись застегнет пуговицы не по порядку, то верят, что в тот день быть ему пьяну, или битому.

Пятница, то есть пятый день недельный пяток, ежели кто в сей день и в понедельник, что нибудь предпринимает, то успеха из того ожидать не должно, в сей день прясть и шить почитают бабы за грех, и ожидают в наказание или нохтоеды злой, или заусеницы неизлечимой.

(стр.278)

Родины, когда женщине приспееет время родить, то час рождения стараются тайть, веря, что от того женщина родит легко, а в противном случае тяжело. Родильную молитву, где деревни от церкви отдалены, и попы или дальности ради, а иногда для лености не хотят ехать, с упоминанием имен всех, которые при родинах были, наговаривают в шапку, и посланной принести в ту избу шапку, вытряся всех очистить.

(стр.281-282)

Родительская суббота, все суевыры, и простаки верят, что поминовение родителей важно, и действительно быть не может, когда поминают их не блинами, а для того по деревням приносят на могилы и пироги, калачи, каши разные и прочая. Глупый поп для своего нажитку снимая с себя ризы, постилает их на могилу на время проговорения литии, или и потрахиль, получая за то договорную плату, и после в церковной трапезе все принесенное на могилы, съедают, поп с причтом и принесшие вместе.

Рождество Христово, в оный день не должно выпускать скотины из хлевов.

Рожь, в которое лето рожь цветет с низу колоса, то простаки кладут приметы, что будет оной низкая, то есть дешевая цена, ежели с середины колоса, то средняя, а когда сверх колоса, то высокая, или дорогая цена.

(стр.294)

Солнце играет, уверяют, что на светлое воскресенье при восхождении солнышко играет в виде трясения, и многие для смотрения того сидят в то время на колокольнях, на горах или оных высоких местах.

Соль, соли за столом подавать другому не должно, ибо верят без сомнения, что то бывает причиною ссоры, и когда необходимо случится то сделать, то принимая велят рассмеяться, от чего будто вся сила предвещения ссоры разрушится.

(стр.296)

Строение, ежели простак начинает производить строение, то первое держит в голове суеверие, чтоб избою, или воротами никогда не подаваться в ночь, то есть на север; а ежели он то сделает то верит без сомнения, что черти его из дома того выживут.

(стр.303-304)

Уши горят, у кого горят уши, того гденибудь в то время переговаривают, то есть подсмеивают; кожда в ушах звенит, то загадав чтонибудь спрашивают, в котором ухе звенит? И когда отгадают, в котором ухе звенит, то неотменно загаданное сбудется.

(стр.306)

Христианин, суевер в одних только наружных поступках и обрядах является богобоязливым; а в самом деле главную должность человека Христианина, то есть любовь к ближнему пренебрегает.

Цветы платья, цветы материй, из коих делаются платья, значит также нечто: например белый чистоту, черный печаль и проч.; зеленого носить не можно в городе, а красного в поле.

(стр.316-317)

Чихать, когда придет кому какаянибудь в голову мысль; а случится, что в то время нечаянным образом другой чихнет, то знаменует сие, что задуманное действительно сбудется. Чихание значит в воскресенье быть в гостях, или у себя иметь, в понедельник прибыль, во вторник долгу просить будут, в среду хвалить будут, в четверток осердят или в досаду введут, в пятницу кого не чаешь того увидишь, или получишь письма, в субботу о покойнике слышать.

ⁱ Читать книгу: «АБеВеГа русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных обрядов»

Михаил Чулков <https://www.litres.ru/book/mihail-chulkov/abevega-russkih-sueveriy-idolopoklonnicheskikh-zhertvoprinov-18406191/chitat-onlayn/?ysclid=md0amicq18605758080>

<https://www.prlib.ru/item/714564?ysclid=md0agpfv3j192442462>

ⁱⁱ ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. Д. ЧУЛКОВА Е. А. Бондарева <https://mir.k156.ru/chulkov/bondareva1984.php>

Михаил Дмитриевич Чулков родился в начале сороковых годов XVIII в. и умер в 1792 г. Он прожил около пятидесяти лет — короткая жизнь и богатейшая творческая биография. В двадцать лет Чулков вступил на путь литератора, избрав новые жанры, стиль, язык, попробовал свои силы как драматург, поэт и журналист. Он стал первым собирателем и публикатором народного песенного творчества. В пору творческой зрелости Чулков обратился к социально-экономической истории России. В последние годы жизни Чулков весь багаж научных и культурных достижений своего времени стремился донести до народных масс.

Как писал Чулков, «возрос он в том городе, в котором родился, а родился тут, где и воспитан». По-видимому, речь идет о Москве. Предположительно, Чулков родился в семье солдата московского гарнизона (близки к низам городского населения) и начальное образование, скорее всего, получил в «гарнизонной школе»: «Учил меня русской грамоте российский мастер, у которого от утра и до вечера каждый день я пропевал Аз, Буки, Веди и проч.» Мастер мог научить только «читать и писать без всякого толку», но были у него ученики способные. «... мальчик был от природы острого понятия и весьма любопытен, выучась российской грамоте, начал он прилежать неусыпно к чтению духовных книг, и, что ему казалось достойно примечания, выписывал он то на бумажку и в свободное время вытверживал наизусть, от чего получил изрядное сведение». Но, несмотря на одаренность и способности к учению, пробиться к получению образования было трудно.

Способная молодежь рано порывала родственные связи и самостоятельно избирала жизненный путь. Чулков стал одним из учеников первого набора разночинной гимназии при только что, в 1755 г., открытом по настоянию М. В. Ломоносова Московском университете. Из стен гимназии и университета шагнули в науку, литературу Н. И. Новиков и Д. И. Фонвизин (учившиеся в дворянской гимназии одновременно с Чулковым).

Вслед за собственной типографией Московский университет в 1758 г. открыл театр. Чулков играл в труппе театра, по-видимому, с самого его основания. До 1761 г. М. Чулков был связан с Московской труппой Локателли, а позже — с Петербургским императорским театром - до конца 1764 г. На этом «театральный период» его жизни закончился.

Чулков в 1765 г. подал прошение об отставке от театра и переводе в придворные лакеи. В течение четырех лет он служил при дворе наследника, с правлением которого были связаны не только личные планы, но и политические надежды: он хочет видеть в 13-летнем наследнике «Петрова внука», который «противных покарает», будет осуществлять сильную военную власть, продолжит начинания Екатерины.

В этот период, 1 февраля 1766 г., придворный лакей Михайло Чулков подал в канцелярию Академии наук «доношение» о напечатании в академической типографии сочиненной им книги «Пересмешник, или Славянские сказки», с тех пор и до сего дня многократно инсценированной. «Пересмешник» — это первый сборник оригинальных русских повестей. Отличают его и определенная социальная позиция и подлинный патриотизм. Посвящение к «Пересмешнику» заканчивается подписью: «Нижайший и учтивый слуга общества и читателя Россиянин». Именно глубоким патриотическим чувством, в котором сказывалось крепнущее национальное самосознание, определяется и близость Чулкова к народной художественной традиции и к современной жизни народа.

В 60—70-е годы в занятиях Чулкова народным творчеством можно выделить несколько направлений: 1) сбор народных песен и подготовка публикации их; 2) внимание к народным обрядам, праздникам, приметам (в «И то и сё» Чулковым описаны практически [212:] все праздники года); 3) воссоздание славянской мифологии («Краткий мифологический лексикон»). От этих строк только шаг к «Словарю ярмарок», опубликованному Чулковым лишь 20 лет спустя. Этот пример подтверждает преемственность и непрерывность в развитии замыслов и реализации интересов Чулкова, единство его мировоззрения и его идейной связи с третьесословной средой.

После выхода в свет романа в 1770 г. Чулков в течение многих лет, до середины 80-х годов, не обращается к художественному творчеству, что объясняется изменениями, происшедшими в его жизни.

С начала восьмидесятих годов в его жизни произошли серьезные перемены. Чулкову, наконец, удалось добиться стабильного служебного и материального положения, обеспечить своей семье независимое существование, а самому полностью отдаться реализации творческих замыслов.

В «Словаре русских суеверий» Чулков стремился охарактеризовать возможно большее число этнографических сюжетов на широком материале изучения не только русского, но и других народов России. Выло бы неверно рассматривать «Словарь суеверий» и «Абевергу» как чисто описательный опыт, напротив, мы видим в них элементы сравнительной характеристики, сопоставления. Чулков пишет: «Ничто так не сходно с обычаями древних скифов, как рассуждения черемис о смерти...» Самый обширный материал в Словаре посвящен следующим темам: обряды — брачные, похоронные, связанные с рождением ребенка, возрастные (инициации); бытовые обычаи, приметы (охота, ворожба, гадание); этикет и народные (зачастую языческие) праздники — «плодородия» (в этом разделе Чулков приводит текст обрядовой песни), верования и духовные институты различных народов, старообрядчество.

Собрав материал, Чулков пришел к чрезвычайно важному и характерному для эпохи Просвещения выводу, что все народы в сфере духовной жизни, и в частности религии, проходят через общую для всех фазу развития, и уже в силу этого народы равны. Задача современных ученых, как ее понимал Чулков, состоит в том, чтобы изучить религиозные представления и помочь народам освободиться от гнета невежества.

Для многих статей Абевеги характерна демократическая направленность. Интересна статья «Христианин»: Чулков осуждает слепое соблюдение православных обрядов: «суевер — в одних только наружных поступках и обрядах является богобоязненным, а главную должность человека-христианина — то есть любовь к ближнему пренебрегает». В первую очередь это следует отнести к бесчеловечности крепостников, которые заботятся лишь о «наружных обрядах».

Усилия просветителя тормозились основным конфликтом эпохи — крепостники не желали открыть доступ своим крепостным к знаниям и уже совсем иллюзорными выглядят надежды интеллигентов-демократов видеть в помещике «врачевателя» своих крестьян.

Тридцатилетняя творческая деятельность Михаила Дмитриевича Чулкова необычайно плодотворна. Отличительной ее чертой является широкое понимание своего гражданского долга. Как и большинство демократической интеллигенции, Чулков служил народу своими знаниями. Одним из первых он обратился к изучению жизни простого народа России, его труда, быта, праздников, традиций, песен. Плод его трудов в этой области — этнографические материалы, «Абевега русских суеверий» и «Собрание разных песен».

Еще в самом начале творческого пути М. Д. Чулков определил свое жизненное credo: «К услугам общества себя препоручаю, и за великое я счастье считаю, когда хоть малым чем народу угодил». Он был верен этому кредо всю жизнь.

ⁱⁱⁱ В публикации «Абевега русских суеверий идолопоклоннических жертвоприношении свадебных простонародных обрядов колдовства, шеманства и проч. | Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина» 1786 года издания толкованиям брака отведены 8 (снизу) – 64 страницы. Материал посвящён не только суевериям и обрядам, связанным с браком, 19 народов России, но и содержит смету «Во что обходится свадьба простолюдину («с невестиной стороны», «с жениховой стороны»)).